

Гу Цзинвэнь никогда не чувствовал, что по-настоящему понимает Гу Хаояня, и невольно отступил назад. Сейчас, глядя на сына, которого он всегда считал никчемным, он вдруг ощутил странный страх.

— Клан Нин когда-то был одним из самых влиятельных в Цзяннани, ничем не уступая семье Гу. В основном они занимались ткацким делом и имели множество деловых партнеров. Предыдущий глава семьи Гу именно поэтому и позволил вам взять в жены старшую дочь клана Нин. Но не прошло и много времени после смерти старого главы семьи Гу, как клан Нин в одночасье исчез из Цзяннани. Зато у семьи Гу и нескольких других кланов внезапно появилось множество новых мануфактур... Гу Цзинвэнь, сколько пособничества было с вашей стороны в этом деле? Или, быть может, вы и есть главный зачинщик?

Слушая каждое слово Гу Хаояня, Гу Цзинвэнь невольно продолжал пятиться. Это случилось столько лет назад, что даже с бывшими партнерами связь давно прервалась. Сколько лет Гу Хаояню? Откуда он может знать? И когда он обо всем узнал?

Цзи Фань заметил страх, скрытый за наигранной суровостью Гу Цзинвэня, и перевел взгляд на Дэн Ижоу.

— Госпожа Гу...

Дэн Ижоу инстинктивно придвинулась ближе к постели Гу Хаоцина, глядя на юношу перед собой. Несмотря на его хрупкое телосложение, от него исходила пугающая аура. Она невольно подумала: как было бы хорошо, если бы она отравила его еще тогда, как и его мать, Нин Чумань.

— Не знаю, что больше нравится госпоже Гу: то самое снотворное, от которого моя мать ушла из жизни бесшумно, или же Гуйсу-сань, от которого тело слабеет с каждым днем, и смерть наступает лишь спустя несколько лет? Хаоянь пробовал пирожные с османтусом, приправленные Гуйсу-сань — вкус был просто изумительный, до сих пор забыть не могу. Скоро я попрошу придворного повара приготовить их и пришлю госпоже Гу на пробу. Как вы на это смотрите?

Тон Цзи Фаня стал гораздо мягче, прямо как у младшего, почтительно беседующего со старшей.

— Ижоу?! — Гу Цзинвэнь явно был шокирован, узнав об этом только сейчас. Он искренне верил, что Нин Чумань скончалась, не выдержав удара от разорения своего клана. Что же до Гу Хаояня, он действительно считал, что тот с детства был болезненным. Теперь, вспоминая, он понял: до четырех лет Гу Хаоянь ничем не отличался от обычных детей, и лишь потом начал постоянно чахнуть.

— Господин, я делала это только ради вас! — воскликнула Дэн Ижоу, заметив, как побледнел Гу Цзинвэнь.

Гу Цзинвэнь быстро сообразил, почему она так поступила: она лишь хотела удержать его и добиться статуса для их детей. Мгновенный ужас исчез, сменившись жалостью к ней.

Цзи Фань невольно захлопал в ладоши — три четких, размеренных хлопка.

— Какая искренность! Надеюсь, вы и впредь будете так же верны друг другу.

— Гу Хаоянь, чего ты еще хочешь? Хаоцин уже при смерти, этого тебе мало? Что ты задумал? Неужели хочешь совершить отцеубийство?! — в голосе Гу Цзинвэня звучал нескрываемый гнев. В какую бы эпоху ни жили люди, сыновья почтительность всегда была превыше всего.

Цзи Фань слегка покачал головой, и на его лице вновь заиграла благородная улыбка.

— Как Хаоянь посмел бы пойти против воли Небес? Отец когда-то говорил: благородный человек во всех делах должен поступать открыто и честно. Даже если и совершать отцеубийство, нужно сначала найти вескую причину!

— Ты... — Гу Цзинвэнь явно не ожидал, что в такой момент сын использует его же собственные наставления против него. Чайная Юфан была создана для того, чтобы Хаоянь изучал путевые заметки, и Гу Цзинвэнь не раз пожалел об этом.

— Я верну всё, что вы отобрали у клана Нин. И заставлю вас сполна заплатить за всё, что пришлось пережить Гу Хаояню и Нин Чумань! Вы должны продержаться до самого конца!

Цзи Фань толкнул дверь и, уходя, бросил последний взгляд назад.

Гу Хаоцин лежал на кровати, его глаза потеряли былой блеск. Он попал в этот мир прямо во сне, откуда ему знать, что такое настоящая смерть? Тем более, когда точно знаешь, сколько времени осталось до конца. Какое жалкое зрелище! После его смерти сюжет этого мира окончательно рухнет. Если нет главного героя, о каком сюжете вообще может идти речь?

Ему послышался приглушенный, испуганный голос Дэн Ижоу:

— Господин, что же нам теперь делать?

Едва выйдя за ворота ресторана семьи Гу, Цзи Фань столкнулся с группой людей. Человек, шедший впереди, был ему знаком — это была принцесса Аньян, которая некоторое время находилась под домашним арестом. Судя по всему, запрет сняли, иначе она не рискнула бы открыто разгуливать по городу, да еще и в сопровождении придворного лекаря.

Принцесса тоже заметила его. Цзи Фань невозмутимо кивнул ей. Раз уж они встретились у входа в ресторан, это не считалось невежливым. Однако при виде него лицо принцессы изменилось, в нем появилось нечто вроде почтения.

Почтение? Принцесса выказывает почтение простолюдину?! Неужели она узнала о его связи с Янь Сяньфэем? Казалось, это единственное разумное объяснение, но он чувствовал, что что-то здесь не так.

Цзи Фань многозначительно посмотрел на принцессу и сел в карету, подготовленную особняком Ван Сяня. От этого взгляда по спине принцессы пробежал холод, и она поспешила войти в ресторан, словно боясь задержаться с ним хоть на секунду.

— Ваше Высочество, кто это был? — в замешательстве спросил лекарь Цзя. Принцесса Аньян была избалована вниманием во дворце, и тех, кто мог заставить ее так насторожиться, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Лицо того человека было совсем незнакомым, и принцесса явно не притворялась.

— Тебе лучше не знать, с кем ты имеешь дело, — строго ответила принцесса. Поспешно пройдя мимо, она подумала, что этот Гу Хаоянь всё больше напоминает *того самого* человека. Хотя его мягкая и утонченная улыбка совсем не вязалась с образом того великого мастера... Если бы не страх выдать себя, Мо Цяньин непременно почесала бы в затылке.

Сражаться с тем мастером — всё равно что играть в азартные игры: десять из десяти проигрышей, ни одной победы! Провалить задание — полбеды, но если после провала она даже не поймет, кем в этом мире был тот мастер, это будет позором. Кто же из них двоих — этот старший молодой господин Гу Хаоянь или же высокопоставленный Ван Сянь, который, кажется, сбился с пути под его влиянием?

Как ветеран организации Тяньи, Мо Цяньин чувствовала, что это задание крайне сложное. Когда организация обнаружила, что мир начал отклоняться от курса, ей сразу назначили роль. Кто же знал, что в этот момент ее носительница окажется под домашним арестом? Эта роль могла бы стать самой удобной для помощи Гу Хаоцину, но в итоге стала самой бесполезной.

Она приложила немало усилий, чтобы передать Гу Хаоцину письмо, разумеется, в стиле принцессы Аньян. Если бы он послушался и вел себя тихо, не провоцируя тех двоих, возможно, удалось бы продержаться до конца ее ареста. Даже зная, что задание провалено, она могла бы отступить красиво, заработав очки в организации.

Однако Гу Хаоцин проигнорировал ее советы и сразу пошел на конфликт с Гу Хаоянем. Гу Хаоянь, который, возможно, и был *тем самым* человеком, в сочетании с влиятельным Ван Сянем, легко раздавил Гу Хаоцина. Она заметила, что Гу Хаоцин лишился той рассудительности и великодушия, что были присущи ему в оригинальном сюжете, став легкомысленным и эгоистичным. Видимо, его слишком сильно спровоцировали.

— Слушаюсь, — лекарь Цзя не посмел больше расспрашивать и поклонился.

— Иди со мной, вылечи второго молодого господина семьи Гу. Сделай всё, что в твоих силах. Даже если ничего не выйдет, я тебя не виню, — Мо Цяньин на самом деле не питала надежд. Если уж *тот* человек хочет, чтобы кто-то умер, никто не сможет его спасти.

Лекарь Цзя уступал в опыте лекарю Чэню, который сопровождал Цзи Фаня. Хотя оба они могли лечить императора, разница в мастерстве была очевидна. Он не смог распознать Хладный яд у Гу Хаоцина.

Впрочем, когда Гу Цзинвэнь и Дэн Ижоу прямо сказали ему об этом, он легко сделал вид, что всё понял. Хотя он был уверен в своих навыках, он без колебаний покачал головой. Раз уж даже лекарь Чэнь не помог, признать свое бессилие не было позором.

После встречи с принцессой Аньян Цзи Фань стал действовать осторожнее. Если принцесса решит безрассудно мстить за Гу Хаоцина, это может создать проблемы. Поначалу он действовал скрытно, лишь прощупывая почву.

Всё шло по плану: слухи о том, что Дэн Ижоу сделала с Нин Чумань и ним самим, распространились повсюду. Он использовал не только уличные сплетни, но и своих гостей в чайной Юфан. Литераторы, может, и не сражались мечами, но их перья порой пугали сильнее любого оружия. Дэн Ижоу любила подсыпать яд в еду, а семья Гу владела ресторанами — после таких новостей кто осмелился бы там обедать?

Затем Цзи Фань без колебаний выставил напоказ все грехи Гу Цзинвэня. Тот всегда позиционировал себя как благородный человек в бизнесе. Многие верили в этот статус, у него было немало друзей среди ученых мужей. И вот теперь выяснилось, что этот «благородный» человек — подлец, который ради наложницы погубил жену и предал семью своей благодетельницы!

Когда люди узнали, что основатель чайной Юфан, которого они уважительно называли Отшельник Юфан, — это и есть старший сын того самого «лицемера», они не почувствовали отвращения. Напротив, посыпались похвалы, восхваляющие его чистоту и непоколебимость. Даже некоторые чиновники присоединились к одобрению, и те, кто хотел воспользоваться ситуацией, чтобы устроить переполох, предпочли затаиться.

Купцы всегда дорожили репутацией, и вести дела с человеком такой сомнительной морали было опасно. Мало кто из них мог сравниться с кланом Нин, и если уж те пали, что говорить о них?

Сердца людей дрогнули, и Цзи Фань приказал своим людям начать действовать. Они связались с поставщиками ресторана Гу и попытались переманить их на свою сторону. Он начал не с тех, кто работал с Гу годами, а с тех, кто примкнул к ним уже после расширения бизнеса.

У них и так были сомнения, а когда чайная Юфан протянула руку помощи, они ухватились за нее. Купцы всегда искали выгоду. Для них разрыв с семьей Гу и сотрудничество с чайной Юфан было отличным шансом «потерять кунжутное зернышко, но найти арбуз».

Вскоре цепочка поставок семьи Гу начала давать сбои. Гу Хаоцин в этой жизни расширял бизнес слишком поспешно, не заботясь о прочности фундамента. Работники не чувствовали никакой верности. Стоило их немного подтолкнуть, как они уходили, оставляя лишь поваров, которые были дороги Гу Хаоцину. Вскоре бизнес семьи Гу за пределами Цзяннани был парализован.

К удивлению Цзи Фаня, принцесса Аньян не вмешивалась. Она просто сидела у постели Гу Хаоцина, позволяя лекарю его «лечить». Раз уж лекарь Чэнь знал, что от Хладного яда нет лекарства, другие лекари не могли не знать того же. Неужели принцесса настолько влюблена, что готова продлевать его жизнь хоть на день, лишь бы он дышал?

Мо Цяньин знала, что Гу Хаоцин рано или поздно умрет, но пока она не выяснила, кто из них — тот самый мастер, он не должен умереть! Ради собственного лица ей приходилось нелегко. Бедный Гу Хаоцин, при смерти, изъеденный ядами, был насильно удержан в этом мире на последнем издыхании!

Цзи Фань лишь усмехнулся, не углубляясь в детали. Раз она не мешает — это хорошо. Теперь он мог без колебаний нанести удар по Цзяннани. Корни семьи Гу там были глубоки, но это не значило, что они неуязвимы. В бизнесе нет вечных друзей или врагов, есть только вечная выгода.

Цзяннаньские купцы были упрямы, и не потому, что делали бизнес так долго. Просто многие из них были замешаны в деле клана Нин. А что, если после семьи Гу Хаоянь придет за ними? У него не было страха перед последствиями, ведь он не собирался забирать бизнес семьи Гу себе. За его спиной стояла целая группа императорских купцов!

Императорские купцы работали на казну, используя деньги императора. А теперь, когда народ жил в достатке, казна была полна! Самые проницательные заметили, что фамилия у тех, кто наводит порядок, — Нин... Гу Хаоянь действительно нашел для клана Нин надежную опору. Пусть прибыли стало меньше, но в долгосрочной перспективе клан Нин стал непоколебим. Пока стоит государство, будет стоять и клан Нин!

Цзи Фань предвидел это и не стал выступать сам. Он позволил своему двоюродному брату, Нин Юю, выйти вперед.

Условие было простым: если они вернут всё, что отобрали у клана Нин, всё прошлое будет забыто. Нин Юй оказался человеком широкой души. Прожить десять с лишним лет в нищете, опустившись с вершин богатства до уровня простых горожан — этот опыт не понять тем, кто его не пережил.

Нин Юй был на десять с лишним лет старше Цзи Фаня, значит, он пережил тот крах в юности.

И всё же он был готов простить. В данной ситуации это было самым мудрым решением.

От начала до конца этой драмы прошло всего около десяти дней.

Старая усадьба семьи Гу. Почти год назад Цзи Фань покинул ее, и вот теперь он вернулся.

В столице Гу Цзинвэнь еще тешил себя надеждой, что Хаоянь не посмеет зайти слишком далеко. Теперь же от его уверенности не осталось и следа. Он пытался сопротивляться, но был бессилен. Неизвестно когда, но Гу Хаоянь занял моральную высоту, и любой шаг Гу Цзинвэня теперь выглядел ошибкой. Если бы он знал, что сын так способен, он бы обязательно его воспитал. По крайней мере, сделал бы так, чтобы в глазах сына он был отцом!

Но... теперь было слишком поздно. Всего за десять дней он не только потерял сына, но и вынужден был наблюдать, как великий род Гу рушится у него на глазах. Причем от рук его собственного сына. Как нелепо! Как печально!

Цзи Фань вошел в ворота дома Гу — на сей раз как хозяин. Настоящий хозяин усадьбы. После гарантий Нин Юя семья Гу осталась в полной изоляции: даже давние партнеры не хотели тонуть вместе с ними.

Когда дерево падает, все спешат его пнуть. Они не только разорвали контракты, но и обрушили на семью Гу долговое бремя, из-за чего те не могли удержать даже родовое поместье.

— Господин Гу, давно не виделись! — тон Цзи Фаня был вежливым, но холодным, уголки губ слегка приподняты.

Гу Цзинвэнь пребывал в легком оцепенении. Ему показалось, что он видит ту самую сцену, когда сам разорял клан Нин. В такой же старой усадьбе Нин Чумань умоляла его о помощи, а он, не задумываясь, толкнул их в бездну. С тех пор люди клана Нин исчезли из Цзяннани на десять с лишним лет.

— Что... ты собираешься делать с этим домом? — Гу Цзинвэнь с трудом выдавил из себя слова. Он сидел в главном кресле в зале — вероятно, в последний раз. — Гу Хаоянь, не забывай, что ты тоже из семьи Гу!

— Этот участок земли хорош, он отлично подходит для восстановления клана Нин! — люди клана Нин были козырем в рукаве Цзи Фаня. Как только чайная Юфан стала известной, они сами нашли его. Не для того, чтобы он возродил клан, а чтобы он приглядывал за Гу Цзинвэнем. Это будущее было подарком, который Цзи Фань преподнес им сам. — Господин Гу, не забывайте и вы, что я тоже из клана Нин!

— Семья Гу кормила тебя двадцать с лишним лет, что дал тебе клан Нин? — Гу Цзинвэнь теперь мечтал лишь об одном — сохранить усадьбу, даже если формально она будет не его. Но если она останется в руках Гу Хаояня, это можно считать наследием.

— Действительно, семья Гу кормила меня двадцать с лишним лет, но что она мне дала? Здоровое тело или глубокие знания?

Цзи Фань сделал шаг вперед. Гу Цзинвэнь невольно сжал подлокотники кресла так сильно, что пальцы покраснели, но он этого не почувствовал.

— Клан Нин дал мне стартовый капитал и причину для начала пути. Этого оправдания достаточно? — мать Гу Хаояня оставила ему кое-что, рассказала о причине своей смерти и велела уходить из дома с этими деньгами. Именно поэтому в оригинальном сюжете Хаоянь хотел отобрать семью Гу. Почему Нин Чумань, умершая от яда, смогла оставить какие-то вещи, Цзи Фань выяснять не хотел.

— ... — Гу Цзинвэнь не нашел, что ответить.

— Раз уж вы сказали всё, что хотели, и встретились со мной, не пора ли вам уходить? — Цзи Фань словно что-то вспомнил и добавил: — Не забудьте забрать все таблички с именами предков из вашего родового храма. Иначе, если потревожите души усопших, будут неприятности!

Слова Хаояня ясно давали понять: он не считает себя частью семьи Гу! Гу Цзинвэнь раскаялся, но вернуть всё было невозможно. К счастью, у него остался последний козырь.

— Если я не захочу покидать усадьбу, никто не сможет нас выгнать!

— Хм? — глаза Цзи Фаня блеснули, словно он нашел что-то интересное. — Что дает вам право так говорить?

— Принцесса Аньян сейчас гостит в загородном доме. Если вы потревожите ее, кто из вас возьмет на себя ответственность? — в голосе Гу Цзинвэня проскользнуло торжество. Они уже не надеялись, что Гу Хаоцин выживет, и хотели просто привезти его домой. Но принцесса оказалась настолько предана ему, что, несмотря ни на что, не захотела бросать его и вслед за ними приехала в Цзяннань.

— Аньян? — в зал вошел Янь Сяньфэй. Он не хотел отпускать Хаояня, когда тот возвращался в Цзяннань, и сопровождал его всю дорогу, чтобы обеспечить безопасность! В дела бизнеса он почти не вмешивался. Ему больше нравилось наблюдать, как Хаоянь играет людьми, словно марионетками, и видеть его довольную улыбку.